

более простой схемой независимого конструирования внешних и внутренних форм и пространств.

В известной мере можно рассмотреть статью П. Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств» как один из редких примеров такого многостороннего анализа. Сегодня к этим вопросам можно было бы добавить и всю

проблематику, так сказать, «гетерохронного монтажа» как развитие приема эклектики до полифонической стилистики или композиционной игры историческими стилями в рамках одной композиции. Сюда же можно отнести и все вопросы стиля и среды как выходящие за рамки одного сооружения или погруженные в единое произведение.

Но это только первые и, возможно, частные, случайные аспекты понимания сложного организма архитектурной критики и следствий для соответствующей методологии профессионального образования критиков. Мне, например, не хватает ни образования, ни опыта для реализации такого идеала архитектурной критики, и я могу лишь

обсуждать его принципиальные требования.

Предполагаю, что многие издатели и критики отвергнут их как утопию, но, думаю, что таким путем падение профессиональной критики в обмороке самодовольства будет продолжаться.

**Александр Раппапорт /
Alexander Rappaport**

О градостроительной политике Советской России (1917–1929) / Review on “The Urban Planning Policy in the USSR (1917-1929)”

^ Meerovich, M. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 352 с. : ил.

Новая книга М. Г. Мееровича – исследование градостроительной политики советского государства в его самый ранний, послереволюционный период существования.

Читателя ждет погружение в материал серьезного, тщательно документированного исследования. Основываясь на первоисточниках и исторических фактах, автор показывает непростой путь решения грандиозной задачи, которую с первых дней существования поставила советская власть – формирования и обустройства среды своего обитания, соответствующей собственной социально-политической природе. Книга описывает созданную властью планировочную организацию селитбы «советских рабочих поселков», которая призвана была обеспечивать повседневный тотальный контроль над жизнью и производственной деятельностью людей.

И одновременно чтение этой книги будет нелегким, ибо читателю

придется отказаться от широко распространенных в историографии отечественной архитектуры и градостроительства и крепко засевших в сознании не только обывателей, но и серьезных специалистов представлений о том, какими в первые послереволюционные десятилетия были мотивы, цели и приемы действия советской власти в отношении планировки поселений и жилищ в них.

Почему большевики так нетерпимо относились к инициативно возникавшим поселениям с демократически избираемыми органами самоуправления, распоряжавшимися землей и недвижимостью? Почему решительно отвергли гомардовскую идею поселка-сада с ее картиной усадебно-парковой жизни на живописных улочках с рядами утопающих в зелени коттеджей среди полей и заливных лугов, идею, которая продолжала из-за рубежа манить советских архитекторов-планировщиков? На эти непростые вопросы автор ищет и находит исторически обоснованные ответы.

Меерович описывает советское градостроительство первого десятилетия Октября со стороны, которая до сих пор оставалась в тени. Это задачи военно-мобилизационной и трудо-мобилизационной организации, планового перераспределения трудовых ресурсов в масштабе всей страны и закрепления населения, объединяемого в виде производственно-бытовых коллективов рабочих и служащих градообразующих предприятий, на конкретных территориях. Автор показывает, что в полном соответствии с открыто декларируемыми принципами («Кто не работает – тот не ест!») градостроительная политика первых десятилетий советской власти фактически была инструментом принуждения последнего к труду, а также средством борьбы с

патриархальной культурой, традиционной семьей, религией, частной собственностью, с автономной экономикой домохозяйства, способной обеспечить горожанину относительную независимость от власти.

Автор ищет и находит в архивах, периодической печати, стенограммах дискуссий, экспертных заключениях изучаемого периода, критически сопоставляет, систематизирует и, наконец, излагает причины, по которым среда обитания в советских рабочих поселках первых послереволюционных десятилетий на практике оказалась воплощенной не в виде усадеб с прилегающими садами и огородами, а в виде коммуналок для подавляющего большинства населения и крохотных, обособленных и охраняемых НКВД «поселочков» для узкого круга партийно-советской элиты.

Градостроительная и неразрывно связанная с ней жилищная политика советской власти были инструментом классовой борьбы, чего опять-таки власть никогда не скрывала, хотя и старалась не афишировать некоторые наиболее одиозные формы и методы этой борьбы, в рамках которой жилище было целенаправленно превращено в инструмент управления людьми.

Здесь следует напомнить, что стремление закрепить и усилить господствовавшую идеологию средствами жилищной политики не являлось эксклюзивным изобретением советской власти. Этим занимается любая власть в любой социально-экономической системе. Но обнаружение, вынесение «на свет» и непредвзятое описание неафишируемых мотивов и механизмов управления обществом является (и всегда будет являться) чрезвычайно актуальным с научной точки зрения. А раскрытие специфического содержания градостроительной политики, использовавшейся властью в качестве инструмента борьбы с

автономностью и независимостью существования людей, в качестве средства дисциплинирования, внедрения нужных власти поведенческих стереотипов и инстинктов, важно еще и с гражданской позиции.

Новая монография М. Г. Мееровича вносит весомый вклад в формирование постсоветской научной традиции исследования отечественной градостроительной и жилищной политики, привлекает сегодня интерес ученых, углубляет и расширяет историческое, социологическое, экономическое, политологическое, архитектурное и градостроительное знание.

Научная актуальность и новизна книг и статей Марка Мееровича коренятся в том, что социально-политические механизмы и тенденции осуществления ранней советской градостроительной и жилищной политики до сих пор почти не рассматривались и не формулировались. И его книги – одни из немногих сегодня, если не единственные, в которых даны обоснованные, исторически достоверные описания и разъяснения этих самых тенденций, например планомерной борьбы с идеологией городов-садов; сознательной установки на гомогенизацию социального состава населения соцгородов; формирования типологии жилищного строительства и градостроительного нормирования; создания общегосударственной системы проектного дела и др.

Труды М. Г. Мееровича лишены раз показывают, что, несмотря на территориальную удаленность Прибайкалья от столичных информационных ресурсов, фундаментальные исследования общероссийского масштаба можно проводить и здесь, а не только в Москве и Санкт-Петербурге.

**Константин Кияненко /
Konstantin Kiyanenko**